

Время скоротечно... Казалось бы, совсем недавно мы поздравляли Владимира Ивановича Фисинина с 60-летием. Сделали все возможное, чтобы приурочить выход пилотного номера журнала к его юбилею. И все десять прошедших с той поры лет Владимир Иванович был с нами. Как автор, как консультант, член редколлегии. Как очень хороший человек, не подверженный «звездной» болезни, несмотря на все свои звания и регалии.

Первый вице-президент Россельхозакадемии, бесценный в течение почти 40 лет руководитель ВНИТИП, президент Росптицесоюза, председатель Российского национального комитета Всемирной научной ассоциации по птицеводству... Профессор, доктор сельскохозяйственных наук, заслуженный деятель науки России, лауреат различных премий в области науки и техники, автор десятков книг и монографий, соавтор современных кроссов птицы, Владимир Иванович может часами рассказывать о научных достижениях своих коллег, об успехах и проблемах отрасли. При этом, не заглядывая в какие-либо записи, называть имена, даты, цифры 40-летней, а то и большей давности. В канун юбилея журналист В. ЛОГИНОВА задала юбиляру и очень личные вопросы...

Владимир ФИСИНИН:

«Я сам выстроил свою судьбу»

— Владимир Иванович, как получилось, что вы начали заниматься проблемами птицеводства, когда эта отрасль была еще в зачаточном состоянии? В Омском сельскохозяйственном институте, в котором вы учились, даже факультета такого, наверное, не было?

— Факультета не было, но один из преподавателей института, известный ученый, профессор, доктор биологических наук Анатолий Владимирович Федюшин неожиданно для меня, тогда еще младшекурсника, пригласил принять участие в летней экспедиции. Ее целью было изучение кормовых ресурсов омских мелководных озер для выращивания уток.

Это была огромная честь — поработать с таким замечательным человеком, влюбленным в птицу и верящим в будущее птицеводства.

В те годы — 1959–1960-е — в стране занялись массовым разведением уток. Наиболее интенсивно утководство стало развиваться на Украине, в Белоруссии и Сибири. Тогдашний секретарь Омского обкома партии Евгений Петрович Калущинский придавал этому боль-

шое значение и оказывал всяческое содействие.

Работа на озерах настолько увлекла меня, что собранных материалов хватило и на дипломную работу, и на кандидатскую диссертацию, которую я написал за три месяца, чем вызвал крайнее удивление членов ученого совета института.

Начал я работать над диссертацией, будучи ассистентом на институтской кафедре, а защищал ее уже зоотехником-селекционером Тюкалинского птицевосхоза.

Многих тогда удивил мой поступок, ведь далеко не каждого оставляют работать на кафедре. Но я к тому времени четко осознал, что настоящим ученым, сидя в кабинете, не станешь.

В совхозе я создал первую в Западной Сибири племенную утиную ферму. Вообще хозяйство было огромное: 101 тыс. га сельхозугодий, дойное стадо — 2800 голов. Мы по тем временам производили огромный объем — 27 млн куриных яиц, выращивали 300 тыс. уток на убой.

Позже, когда я стал заместителем директора по производству, мне пришлось

заниматься и птицеводством, и молочным скотоводством, и заготовкой кормов. Так что багаж моих знаний там очень хорошо пополнился.

— Тем не менее вы сохранили верность птицеводству...

— В 1964 г. вышло постановление ЦК партии о создании системы птицепромов. Государство вкладывало миллионы рублей в развитие отрасли. И этот подъем как раз совпал с тремя годами моей работы в совхозе.

А в 1967 г. по постановлению правительства было запланировано создание селекционно-генетических станций по птицеводству. В числе нескольких — Западно-Сибирская, которую решили строить под Омском. Для руководства станцией директор Омского треста «Птицепром» Леонид Кузьмич Новицкий предложил мою кандидатуру. А в 1970-м, когда уже близилось завершение строительства сибирского Птицеграда, меня назначили директором Всесоюзного научно-исследовательского и технологического института птицеводства.

— Но вы ведь постоянно делите свое время между институтом и другими орга-

низациями, сейчас — между ВНИТИП и Российской сельхозакадемии...

— Не только. Я теперь еще и независимый директор Росагролизинга. Вошел в состав наблюдательного совета Россельхозбанка. А недавно стал членом коллегии Минсельхоза России. Все это тоже отнимает немало времени, зато позволяет шире видеть всю структуру АПК.

Когда в 1985 г. президент ВАСХНИЛ Александр Александрович Никонов предложил мне стать секретарем отделения животноводства академии, я согласился с одним условием: институт не оставлю. Такой же выбор мне предстояло сделать через два года, в 1987-м, когда рассматривалась моя кандидатура на должность начальника Птицепрома СССР. И я снова сказал, что с институтом не расстанусь. Все повторилось и когда я возглавил МНТЦ «Племптица», и когда пришел в РАСХН.

— Но это же очень нелегко...

— Да, это сложно, и меня часто спрашивают: как ты справляешься и зачем тебе это надо?

Я могу совмещать эти должности только благодаря тому, что сегодня в институте очень сплоченный коллектив. Это мои соратники. С другой стороны, работая во ВНИТИП, я досконально, изнутри изучил «организм» института, знаю, чем он дышит, что им движет и т.д. Без этих знаний мне было бы трудно разобраться в научной системе РАСХН, где 207 институтов. К тому же я хорошо понимаю проблемы директорского корпуса, что чрезвычайно важно для всей организационной работы. Так что синтез того опыта, что я получаю в институте и академии, дает мне дополнительные силы.

Самое главное — у меня есть интерес к работе. А если он есть, с любым трудным делом справишься. Хотя каждый день расписан буквально по минутам.

— Владимир Иванович, вы обладаете просто завидной памятью. Выручала она вас когда-нибудь?

— Выручает постоянно. Позволяет, например, читать лекции, делать доклады не по бумажке, а разговаривая с аудиторией. При этом помнить все названия, имена, цифры.

Недавно был с делегацией в Венгрии, и в одной из бесед речь зашла об урожайности зерновых. Сам не знаю, откуда в памяти всплыли данные за 1956-й и другие годы.

— Вас знают как человека, который без колебаний принимает решения, даже если они сулят новые трудности. Жалели ли вы о том, что поступили именно так, а не иначе?

— Когда я принимаю то или иное решение, я должен видеть конечную цель. Если эта цель сформулирована, за нее надо бороться. И тогда победа приносит огромную радость.

Помню, как мы стояли с Новицким на крыльце союзного Минсельхоза после разговора о назначении меня директором ЗОСП, и он сказал: «Сегодня ты еще можешь отказаться. Но знай: или ты всю жизнь на кафедре просидишь, или создашь новое научное учреждение, которым будешь гордиться». И я выбрал второй путь, хотя о какой гордости можно было тогда говорить, стоя по колено в грязи в чистом поле, где предстояло эту станцию построить.

Но прежде чем принять любое решение, я внутренне должен быть на сто процентов убежден в своей правоте. В нашей отрасли даже маленькая технологическая ошибка может иметь большие негативные последствия. Поэтому работать нам надо ювелирно.

Сегодня, например, мы настоятельно рекомендуем клеточное содержание птицы. И мне некоторые ученые, коллеги еще лет 15–20 назад говорили: «Чего это вы агитируете за клетки для бройлеров, когда весь мир птицу напольно выращивает?» А посмотрите, что происходит сейчас? На клеточное содержание уже переходят 47 бройлерных предприятий, чтобы получать в 2,5–3 раза больше продукции.

Самый главный показатель в любом хозяйстве — уровень рентабельности. За границей это четко понимают, а у нас — далеко не все руководители и специалисты.

— Вы не устаете говорить со всех трибун, что экономика важнее привесов птицы и других зоотехнических показателей, что без своей земли и переработки высокой рентабельности не добиться, что нужны яйца с лечебными свойствами... И всякий раз ссылаетесь на опыт той или иной фабрики. Значит, прежде чем говорить о каком-либо новшестве, вы считаете своим долгом самому убедиться в его эффективности?

— Да, я много езжу по регионам, в этом году побывал в 12 субъектах Российской Федерации. Допустим, в Белгородской области был на таких кру-

пных фабриках, как «Приосколье», «Белая птица», «Белгранкорм». В Свердловской области — на «Среднеуральской», «Свердловской». И при каждом таком посещении я нахожу что-то новое, интересное. На птицефабрике «Свердловская», например, придумали, как продлить срок использования тары под яйцо. Ведь сейчас, после случаев возникновения птичьего гриппа, применяется только одноразовая тара, а средства на ее закупку — это для фабрики почти 20 млн руб. в год. Так свердловчане научились обеззараживать использованную тару с помощью хлебопечек, которые выпускает Шебекинский завод. При этом погибают патогены сальмонеллы, стафилококка, даже личинки красного клеща, не говоря уже о вирусах гриппа. И после такой термической обработки тару используют до пяти раз.

В кресле директора ЗОСП

«В седьмом ряду — maestro» — гласила подпись под этой фотографией в институтской стенгазете

На выставке «Золотая осень-2009»

— Владимир Иванович, ваша сверхурочная карьера не могла не вызывать различные толки. Одни считали, что у вас «своя рука» наверху, другие — что вам просто везло или помогало стечение обстоятельств...

— А в чем заключалось это везение? В том, что в 27 лет я стал директором зональной станции? Но ее еще предстояло построить. Вместе с поселком, школой, Домом культуры. Я четыре года в сапогах, без машины месил грязь в чистом поле.

Когда в обкоме партии я разложил перед заведующим сельхозотделом Алексеем Максимовичем Ковальчуком все свои схемы и проекты будущего сибирского Птицеграда, тот только усмехнулся: «И ты веришь в эту сказку?» А я

верил, и Птицеград был построен. Да, в 31 год меня назначили директором ВНИТИП. Никому не известного в Москве человека забросили сюда из Сибири как инопланетянина.

Институт тогда погряз в жалобах, которые сотнями рассылались в различные инстанции. В птичниках — толстый слой помета. На несушку получали всего по 192 яйца, в то время как на ЗОСП уже добились продуктивности в 280 яиц.

Можно ли назвать везением случай, когда начальник стройтреста, к которому я безуспешно пытался пробиться, приехал в институт и застал меня с лопа-той в руках? Тогда мы всем коллективом занялись ремонтом птичников, переселив по весне поголовье в летние домики в лесу. После такого знакомства доступ к этому начальнику был для меня открыт.

В 1974 г. мне вручили первый орден Трудового Красного Знамени. «Ну как, рад?» — спрашивает меня председатель Московского облисполкома, член ЦК КПСС Николай Тимофеевич Козлов. «Рад, конечно, — отвечаю, — но...» «Что еще за «но?» — надулся Козлов. «Я бы орден назад, конечно, не отдал, раз его мне вручили, — говорю, — но для меня было бы большей наградой, если бы нам разрешили построить дома для сотрудников. Проблема в том, что мы не вошли в план домостроительного комбината».

Конечно, я рисковал в очередной раз прослыть «неблагодарным», заметить личного врага в ЦК партии. Но об этом я тогда не думал. Сказал то, о чем сердце болело. И мне действитель-

но повезло: благодаря вмешательству Козлова в то же лето для работников института построили два 64-квартирных дома.

Сегодня у меня та же «заноза» в душе: не хватает жилья. Коллектив института стареет, требуется срочное его омоложение. И есть прекрасные аспиранты, владеющие компьютером, иностранными языками, но не имеющие жилья. А я по нашим законам не могу даже кредит взять на строительство домов под залог институтского имущества, потому что оно — государственное.

Это беда многих наших НИИ. Я уверен, что правительство в конце концов обратит внимание на такое положение, но сделать это надо как можно быстрее.

— Владимир Иванович, а какой вы руководитель? Вы предпочитаете, чтобы вас беспрекословно слушались, потому что ваше решение выверено, или с вами можно поспорить?

— Знаете такое изречение: «Я демократию люблю, но не люблю, когда мне возражают»? Под этими словами многие советские руководители могли бы подписаться.

Наверное, в какой-то степени и я в молодости был таким. Но чем дольше руководил, чем сплоченнее становилась команда, тем больше понимал: время единоличных решений прошло. Сейчас, прежде чем их принять, я обязательно посоветуюсь со своими коллегами, соратниками. Во-первых, потому что время сложнее стало, а во-вторых, я всегда помню о том, что решение принимаю я, а выполнять его — коллективу. И если люди твоей идеей не прониклись, их не заставишь по-настоящему работать. Так что решение должно быть коллегиальным, но ответственность за него остается на руководителе.

— Какие качества вы цените в своих подчиненных?

— Прежде всего — потенциал интеллекта, без которого невозможно стать настоящим ученым. Еще — коммуникабельность и совесть. Я не переносю, когда человек, даже очень талантливый, пренебрежительно относится к другим. И конечно, энергичность, умение принимать решения.

— Как вы считаете, мужские амбиции стимулируют достижение поставленных целей?

— Я думаю, тот генетический потенциал, что вложили в нас наши родители, должен быть реализован. Попусту его растратить, не сделав ничего стоящего в жизни, — это преступление.

С внучками Наташей и Аленой

— Многие люди нашего с вами поколения — дети войны — считают, что на их долю выпало слишком много трудностей. Другие радуются стремительным переменам в жизни страны, свидетелями которых стали. К кому из них вы относите себя?

— К плеяде оптимистов. Да, мы родились в канун войны и нам досталось трудное детство послевоенных лет. Но оно, если вдуматься, закалило наш характер.

Я вспоминаю, например, как, будучи третьеклассником, после уроков возил на телеге зерно от комбайна. Летом босиком таскали копны сена для стогования, воду качали, саман месили. А какое было счастье — мчаться после работы на лошадях, чтобы искупать их! Разве сегодня кто-нибудь доверил бы такое третьеклассникам?

— **Могли бы вы сформулировать девиз, которым руководствуетесь в работе и в жизни?**

— Еще в студенческие годы, когда я работал в экспедициях на озерах, мне очень понравился девиз: «Дорогу осилит идущий». Так я назвал тогда одну из

своих газетных публикаций. Девиз этот очень простой, но с глубоким философским смыслом.

Иногда хочется остановиться, потому что дальше тебя ждут все большие трудности. Но если сумеешь превозмочь себя, обязательно дойдешь до цели.

В прошлом году, например, я мог бы поехать отдыхать в санаторий, но сказал себе, что за отпуск напишу задуманную книгу. И я ее написал: «Птицеводство России — стратегия инновационного развития». О ее востребованности говорит тот факт, что весь тираж — 1200 экземпляров — почти разошелся.

— **Скажите, Владимир Иванович Фисинин — счастливый человек?**

— Несомненно. Много, о чем я мечтал, свершилось. Я сам выстроил свою судьбу. Но больше всего меня греет мысль о достижениях коллективов, которыми руководил.

А в личном плане я счастлив своими сыновьями, которые тоже работают на сельхозпредприятиях, тремя внучками и внуком. Если бы их было в два раза больше, был бы еще счастливее.

С внуком Ваней

— Мы желаем вам еще долгих лет плодотворной работы на благо нашего сельского хозяйства. Счастья вам и новых творческих успехов!

ЖР

ОЛЛТЕК

ЖИВОТНОВОДСТВО РОССИИ НАМ 10 ЛЕТ

Уинстон Черчилль говорил: «Примерно половину жизни я зарабатывал тем, что продавал слова и, надеюсь, мысли». За прошедшие 10 лет у «Животноводства России» были и слова, и слава богу, мысли, за что я хочу выразить громадную признательность создателям издания, редакторам, авторам оригинальных, проблемных и актуальных публикаций за их прошлые, настоящие и будущие старания.

Сегодня трудно представить и птицеводство, и скотоводство, и свиноводство без журнала «Животноводство России», но дело в том, что за эти годы он стал и нашим. Поэтому мы искренне радуемся вашим удачам и успехам и так же глубоко переживаем ваши невзгоды.

Вне всякого сомнения, достоинство издания — его современность. Вы смело доводите до аудитории новые, порой еще не устоявшиеся, а то и дискуссионные концепции, опыт, рекомендации. Нельзя не приветствовать такой подход, хотя в нем таится и некоторая опасность. Излагая находящиеся в процессе разработки гипотезы, теории, подходы, трудно оставаться объективным. К тому же, чтобы быть таковым, нужно иметь серьезных научных рецензентов, хотя и это не решает проблему полностью. Возможно, было бы неплохо находить «демаркационную линию» между настоящей прикладной наукой и ее коммерческой составляющей. И огульное охаивание, идущее от консерваторов и недоброжелателей, и восторженный энту-

зиазм дилетантов здесь в равной мере опасны. Полагаю, что профессиональный, грамотный, современный читатель, обладающий пылким умом и талантом, сам приблизится к этой линии и увидит либо лес за деревьями, либо отдельные пеньки. Хотя я далек от того, чтобы определять концепцию журнала, тем не менее очень хотел бы сохранения в нем духа свежести и современности.

Я искренне надеюсь, что издание будет способствовать также развитию молодых талантов еще со студенческой скамьи, чтобы они шли в сельское хозяйство с радостью и оставались в этой отрасли как можно дольше, посвящая свою жизнь производству полезных и безопасных продуктов для нас, наших детей и родителей, да и нации в целом. Ведь, как сказал Жан-Жак Руссо, «торговля обеспечивает богатство, а сельское хозяйство — свободу». Единственное пожелание: давайте искать таланты вместе. К тому же у нас есть целая программа для молодых ученых: награды для них и стажировки. Давайте вместе идти в студенческие аудитории, к ученым и в России, и далеко за ее пределами, вместе изучать волнующие другую часть мира проблемы и извлекать уроки из чужих ошибок, чтобы не совершать их самим.

Были сложные периоды в развитии страны, отрасли, а вместе с ними и у «Животноводства России». Были и будут кризисы, но журнал неизменно оставался и остается интересным. Каждый номер, ожидающий своей встречи с читателем, рождается в муках и с любовью, а в этом залог восхождения на любую вершину.

В эти первые зимние дни я искренне желаю вам теплой атмосферы в редакции, здоровья и любви вам и вашему близким!

Тигран ПАПАЗЯН,

генеральный директор ООО «Оллтек»